Кн. В. П. Кочубей

Н. Д. Чечулинъ

Кн. В. П. Кочубей

Н. Д. Чечулинъ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го Февраля 1900 года.

Князь
Викторъ Павловичъ
Кочубей

1768—1834

Очеркъ жизни и дѣятельности

составилъ
Н. Д. Чечулинъ

С.-Петербургъ
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40
1900

Статья для „Русскаго Біографическаго Словаря", издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Отдѣльно отпечатано 125 экземпляровъ на правахъ рукописи.

Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, государственный канцлеръ внутреннихъ дѣлъ, родился 11 ноября 1768 года, умеръ въ Москвѣ, въ ночь съ 2 на 3 іюня 1834 года. Онъ былъ сыномъ Павла Васильевича Кочубея и правнукомъ знаменитаго Василія Леонтьевича Кочубея; мать его, Ульяна Андреевна, была родною сестрою Александра Андреевича Безбородко, впослѣдствіе канцлера и князя. Павелъ Васильевичъ, Кочубей, занимавшій мѣсто головы въ подкоморномъ полтавскомъ судѣ, не былъ расположенъ особенно заботиться о воспитаніи и образованіи своихъ двухъ сыновей—Аполлона и Виктора; эту заботу принялъ на себя А. А. Безбородко. Назначенный въ концѣ 1775 г. «быть у принятія челобитій», Безбородко взялъ племянниковъ къ себѣ въ Петербургъ; 10 іюля 1776 г. Викторъ Кочубей записанъ былъ капраломъ въ гвардію, 30 августа того же года произведенъ въ унтеръ-офицеры, а 24 ноября—въ сержанты. Безбородко въ началѣ 1778 г. помѣстилъ племянника

въ пансіонъ де-Вильнева. Де-Вильневъ прежде былъ однимъ изъ преподавателей тогдашняго шведскаго короля Густава III; его пансіонъ считался однимъ изъ лучшихъ и аристократическихъ въ столицѣ; плата за ученіе и полное содержаніе была 220 р. въ годъ; Безбородко постоянно съ похвалою отзывался объ успѣхахъ своего племянника и о его дарованіяхъ.

1784—1796.

1-го января 1784 г. В. Кочубей получилъ первый офицерскій чинъ, назначенъ адъютантомъ къ кн. Потемкину и причисленъ къ нашей миссіи въ Швеціи. Проведя лѣто въ отпуску у родителей, В. Кочубей 14 декабря отправился въ Стокгольмъ. Но первый годъ онъ продолжалъ свое образованіе, слушая лекціи въ Упсальскомъ университетѣ; слѣдомъ этихъ занятій остались въ его бумагахъ записки о правѣ народномъ. Со второго года пребыванія своего въ Швеціи онъ посвятилъ себя исключительно дѣламъ. Благодаря покровительству Безбородка онъ получилъ доступъ къ важнѣйшимъ дѣламъ посольства; большинство депешъ проходили черезъ его руки; нѣсколько разъ побывалъ онъ курьеромъ въ Петербургѣ. Въ іюлѣ 1786 г. умеръ его отецъ; В. Кочубей получилъ безсрочный отпускъ для устройства дѣлъ и уѣхалъ въ свое имѣніе, Диканьку. 22 сентября того же года онъ съ старшимъ братомъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а затѣмъ былъ въ свитѣ императрицы, во время поѣздки ея въ Крымъ, причемъ, вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ и камеръ-юнкеромъ гр. П. А. Шуваловымъ находился

постоянно при императрицѣ. Повидимому, во время проѣзда черезъ Москву въ 1786 году Кочубей вступилъ въ масонскую ложу Минервы, гдѣ былъ мастеромъ кресла Фроловъ-Багрѣевъ, а надзирателемъ Ив. Замятнинъ; въ бумагахъ Кочубея сохранился дипломъ на званіе члена этой ложи, данный «на востокѣ Кременчуга» и помѣченный четвертымъ мѣсяцемъ 5787 г. Около этого же времени Кочубей сталъ извѣстенъ в. кн. Павлу Петровичу и заслужилъ его расположеніе; на такое заключеніе наводитъ то обстоятельство, что, когда началось слѣдствіе надъ московскими масонами и когда очень старались выяснить отношенія масоновъ къ в. кн. Павлу Петровичу и Новикова, и Лопухина и Тургенева и кн. Н. Н. Трубецкаго спрашивали: «кѣмъ уловленъ былъ» въ ихъ сообщество Кочубей, хотя въ глазахъ этихъ главныхъ дѣятелей масонства вступленіе его въ ложу было фактомъ столь незначительнымъ и незамѣтнымъ, что они не знали, когда и кѣмъ онъ принятъ и сходились лишь въ показаніи, что поступилъ онъ при гр. З. Г. Чернышевѣ, т. е., значитъ, до августа 1786 г., когда Чернышевъ умеръ.

По возвращеніи въ Петербургъ Кочубей, весною 1788 года, причисленъ былъ къ лондонской нашей миссіи, съ правомъ путешествовать по Европѣ для окончанія образованія. По предположенію Безбородка онъ долженъ былъ провести около двухъ лѣтъ въ Англіи, затѣмъ черезъ Лиссабонъ и Мадритъ проѣхать въ Парижъ, прожить тамъ годъ и послѣ того, черезъ Италію, съ продолжительною остановкою въ Вѣнѣ, вернуться въ Россію.

Въ ноябрѣ 1788 г. Кочубей выѣхалъ

изъ Петербурга; не останавливаясь подолгу нигдѣ, проѣхалъ въ Голландію и весною 1789 г. былъ въ Англіи. Безбородко поручилъ его особенному вниманію гр. С. Р. Воронцова, тогдашняго посланника нашего въ Англіи; Кочубей успѣлъ заслужить большое расположеніе Воронцова и на всю жизнь сохранилъ наилучшія отношенія съ нимъ, съ его братомъ, гр. А. Р. Воронцовымъ, и съ его сыномъ, впослѣдствіи княземъ, М. С. Воронцовымъ; въ теченіе дальнѣйшей своей дѣятельности онъ поддерживалъ съ Воронцовымъ постоянную переписку, со старшими часто совѣтовался въ затруднительныхъ или важныхъ случаяхъ; со своей стороны С. Р. Воронцовъ постоянно самымъ лестнымъ образомъ отзывался о В. Кочубеѣ.

Въ началѣ 1791 г. В. Кочубей посѣтилъ на нѣсколько дней Парижъ, затѣмъ до осени провелъ время въ Швейцаріи, потомъ вернулся въ Парижъ и остался тутъ до начала 1792 г. Въ эту поѣздку онъ прослушалъ курсъ исторіи литературы у Жана Франсуа Лагарпа; въ бумагахъ Кочубея сохранился довольно подробный конспектъ этихъ чтеній, свидѣтельствующій и объ интересѣ къ нимъ слушателя и объ его недюжинномъ умѣньи схватывать суть дѣла и ясно ее формулировать. Лагарпъ въ этихъ чтеніяхъ касался не однихъ только литературныхъ вопросовъ въ исторіи древнеклассической и французской литературы, но посвятилъ большое вниманіе и философамъ XVIII в., первое мѣсто между которыми отведено, конечно, Вольтеру и Монтескье; успѣхи философіи въ XVIII в. Лагарпъ почитаетъ весьма значительными сравнительно съ XVII в. и идеи философовъ XVIII в. на-

ходитъ въ высшей степени замѣчательными и полезными: ученіе Монтескье о монархіи онъ подвергалъ обстоятельному разбору и представлялъ противъ него возраженія—къ сожалѣнію, возраженій этихъ Кочубей не помѣстилъ въ своемъ конспектѣ, сохранивъ ихъ, повидимому, только въ памяти, и лишь отмѣтилъ, что они были въ данномъ мѣстѣ сдѣланы.

Хотя, отправляясь въ Парижъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Англіи, Кочубей вполнѣ слѣдовалъ программѣ, начертанной ему Безбородкомъ, но эта поѣздка пришлась уже во время революціи и какъ разъ въ такой моментъ, когда въ Россіи принимались по отношенію къ французамъ различныя мѣры строгости, такъ что Безбородко былъ очень ею недоволенъ; онъ писалъ племяннику, что это можетъ очень и очень повредить всей его карьерѣ. «Во Францію вы ѣхать не можете и не должны», писалъ онъ, какъ будто бы не зная, что это уже совершилось, «ибо иначе вы подвергнете себя опасности не только не употребляему быть никогда въ дѣло, а иногда и секвестру имѣнія. Я столько добрыхъ имѣю о васъ мыслей, что и думать не смѣю, чтобы вы хотя малѣйше заразились духомъ разврата французскаго».

Конечно, Кочубей имѣлъ слишкомъ много трезвости ума, чтобы увлечься происходившимъ тогда во Франціи, и поѣздка эта не навлекла ему никакихъ дурныхъ послѣдствій. Неудовольствіе противъ него скоро улеглось, и въ 1792 г., какъ разъ въ то время, когда Кочубей собирался ѣхать въ Лиссабонъ и Мадридъ, чтобы продолжать свое путешествіе по Европѣ, онъ былъ вызванъ въ Россію. Онъ прибылъ въ Петербургъ 9 іюля; Безбородко имѣлъ

въ виду назначить его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Турцію.

Въ Петербургѣ В. П. Кочубей произвелъ очень выгодное впечатлѣніе. «Онъ пріобрѣлъ великія знанія какъ въ наукахъ, такъ и въ дѣлахъ», писалъ Безбородко своей матушкѣ о ея любимомъ внукѣ, «отъ всѣхъ отлично рекомендованъ и всѣми любимъ. Государыня изволитъ назначать его чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Царьградъ... Я увѣренъ, что онъ дѣла не испортитъ и себѣ честь принесетъ».

Впрочемъ, доставить своему племяннику это назначеніе Безбородкѣ удалось не безъ труда; подъ разными вліяніями императрица долго колебалась и разъ даже сказала Безбородкѣ, что онъ хочетъ назначить туда своего племянника, чтобы доставить ему случай получить крупное пожалованіе деревнями, послѣ того какъ турки засадятъ его въ Едикуль, что, по словамъ императрицы, непремѣнно случится при его молодости и недостаточной еще опытности. Со своей стороны Кочубей старался заручиться могущественными покровителями и помимо своего дяди: изъ его писемъ узнаёмъ, что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ П. А. Зубовымъ. Осторожность Кочубея шла еще далѣе: прежде чѣмъ принять предложенное ему мѣсто, онъ почелъ нужнымъ узнать, угодно ли предположенное его назначеніе цесаревичу, и согласился только тогда, когда цесаревичъ высказалъ свое полное удовольствіе по поводу такого назначенія; предъ самымъ отъѣздомъ къ мѣсту новаго служенія Кочубей по приглашенію наслѣдника провелъ у него два дня въ Гатчинѣ. Въ это же пребываніе въ Петербургѣ Ко-

чубей очень сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и заслужилъ, можно сказать, совершенно исключительное его расположеніе: великій князь писалъ ему въ Константинополь очень дружественныя и интимныя письма: въ одномъ изъ нихъ, напр., онъ съ трогательною нѣжностью упрекаетъ Кочубея за то, что онъ, изъ боязни его обезпокоить, скрылъ отъ него свое нездоровье, въ другомъ настаиваетъ, чтобы Кочубей въ обращеніяхъ къ нему какъ можно рѣже употреблялъ его титулъ, наконецъ въ третьемъ, самомъ большомъ, онъ описываетъ Кочубею очень просто, обстоятельно и интересно свое знакомство, отъ первой встрѣчи, съ великою княжною, впослѣдствіи императрицею, Елизаветою Алексѣевною. Наконецъ къ В. П. Кочубею написано и то извѣстное письмо, въ маѣ 1796 г., въ которомъ великій князь высказываетъ свое глубокое неудовольствіе всѣми окружающими престолъ людьми и рѣшимость, повидимому твердую, отказаться отъ престола, какъ только онъ къ нему перейдетъ. Именно около этого времени — нѣсколько позже—сдѣланы были со стороны императрицы Екатерины рѣшительные шаги къ тому, чтобы получить согласіе своего внука на воцареніе его помимо отца. Обращеніе великаго князя къ Кочубею въ это время и по такому поводу, безспорно величайшей важности, вполнѣ доказываетъ его безусловное довѣріе къ своему другу. Что отвѣчалъ Кочубей—намъ неизвѣстно; очень можетъ быть, что онъ не рѣшился довѣрять бумагѣ отвѣтъ на письмо такого содержанія; но вообще, по свидѣтельству Растопчина, письма Кочубея къ великому князю производили на

послѣдняго сильное впечатлѣніе; вліянію ихъ Растопчинъ приписывалъ возобновленіе великимъ княземъ своихъ серьезныхъ занятій, которыя были имъ совершенно заброшены въ первое время послѣ свадьбы.

Указъ о назначеніи Кочубея полномочнымъ министромъ въ Царьградъ состоялся 11 октября 1792 г.; къ новому мѣсту своего назначенія Кочубей выѣхалъ въ концѣ 1792 г., ѣхалъ черезъ Вѣну и прибылъ въ Константинополь въ февралѣ 1793 г.

Положеніе его здѣсь было не изъ легкихъ. Послѣ только что окончившейся войны, въ Турціи было еще очень сильно недовѣріе и враждебность къ Россіи; опасаясь нападенія со стороны своего недавняго противника, Порта и въ свою очередь готова была снова вступить въ борьбу съ Россіей; продолжавшіяся смуты въ Польшѣ постоянно грозили доставить для этого поводъ; впрочемъ, съ этой стороны опасность была скоро уничтожена побѣдами Суворова. Воинственное настроеніе Порты поддерживалось еще и внушеніями агентовъ французской революціи, которые всячески старались втянуть Турцію въ нападеніе на Австрію, которая тогда начинала борьбу съ Франціей; между тѣмъ, при тогдашнихъ отношеніяхъ дворовъ петербургскаго и вѣнскаго, нападеніе Турціи на Австрію неизбѣжно должно было вызвать и войну Россіи съ Турціей. Представители всѣхъ державъ боролись въ Константинополѣ противъ французскихъ агентовъ и долго успѣвали удерживать Порту отъ признанія ею республики. Наконецъ, весною 1795 г., признаніе это состоялось, но за то Турція объявила, что войны она не начнетъ и, дѣйствительно,

миръ былъ сохраненъ. Дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ переговорахъ принималъ и Кочубей; ему приходилось тратить много вниманія и времени еще и на улаживаніе разныхъ мелкихъ, но довольно частыхъ, пограничныхъ столкновеній, въ которыхъ онъ, переписываясь съ своими друзьями, не могъ не обвинять иногда и русскихъ начальниковъ пограничныхъ областей. Кочубею удалось даже достигнуть измѣненія въ желательномъ для Россіи направленіе торговаго тарифа и согласія Порты на то, чтобы и вновь присоединенныя къ Россіи отъ Польши области въ уплатѣ торговыхъ пошлинъ были приравнены всѣмъ остальнымъ русскимъ областямъ. Въ Петербургѣ были очень довольны дѣятельностью Кочубея: 1 января 1795 г. онъ получилъ званіе дѣйствительнаго камергера, 22 сентября того же года ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Но самъ Кочубей очень тяготился своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ. Помимо тѣхъ непріятностей при самомъ его назначеніи, о которыхъ мы уже упоминали, и благодаря которымъ онъ хотѣлъ остаться въ Константинополѣ лишь два года, онъ тяготился и своими обязанностями. Ему казалось тяжело вести переговоры съ турецкими министрами, которые съ одной стороны отличались крайнею медленностью и упорствомъ въ своихъ мнѣніяхъ, съ другой—чрезвычайною измѣнчивостью во взглядахъ и рѣшеніяхъ. Тяготился Кочубей и тѣмъ, что ему приходилось постоянно касаться дѣлъ торговыхъ: такъ какъ торговлю между Россіей и Турціей вели тогда по преимуществу армяне и греки, то, по словамъ Кочубея, дѣла эти не только большею частью ме-

лочныя, но почти всегда и не совсѣмъ чистыя. Наконецъ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ Кочубей, вообще не отличавшійся хорошимъ здоровьемъ, почти постоянно хворалъ припадками давно мучившей его подагры. Жалобы его въ письмахъ къ друзьямъ, повидимому, отражаютъ его дѣйствительно угнетенное настроеніе духа тѣмъ вѣрнѣе, что онъ, жалуясь на скуку мелкихъ дѣлъ, занимался ими тѣмъ не менѣе, очень добросовѣстно, изучалъ эти самыя торговыя дѣла: въ его бумагахъ сохранились копіи съ переписки французскаго посла гр. Шуазеля Гуфье съ марсельскою торговою палатою, нѣсколько записокъ о финансахъ Турціи и о торговлѣ въ ней и съ нею, наконецъ — обширная корреспонденція съ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ консуловъ на востокѣ, Фонтономъ, касающаяся преимущественно нашихъ коммерческихъ интересовъ въ Турціи и вообще на юговостокѣ. Во всякомъ случаѣ, весною 1796 г. Кочубей рѣшительно заявлялъ желаніе бросить службу, или по крайней мѣрѣ, оставить Константинополь.

1797—1800.

Воцареніе Павла Петровича, который въ бытность наслѣдникомъ выказывалъ къ Кочубею большое расположеніе, побудило его остаться еще на своемъ посту. Новый императоръ немедленно осыпалъ его знаками своего благоволенія: 13 января 1797 г., по полученіи первой депеши Кочубея, адресованной уже къ новому императору, Государь пожаловалъ ему одновременно чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ св. Александра Невскаго; и дальнѣйшими его депешами Государь казался очень доволенъ. Но и въ отношеніяхъ къ Кочубею проявилъ онъ ту же неустойчивость, то же непостоянство, какими отмѣчены отношенія его и ко всѣмъ другимъ, его окружавшимъ. Въ томъ же году Кочубей навлекъ на себя сильнѣйшій гнѣвъ Государя запиской, въ которой указывалъ на недостатокъ устройства южныхъ окраинъ Россіи; «огонь былъ большой», пишетъ Безбородко Кочубею послѣ того, какъ по настоятельной просьбѣ самого Кочубея доложилъ Государю его записку. Къ веснѣ 1798 г. Государь повидимому вернулъ ему свое расположеніе: онъ согласился на назначеніе Кочубея въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а Безбородко,

кажется, и не скрывалъ своего намѣренія передать своему любимому племяннику фактически веденіе всѣхъ дѣлъ. Въ іюнѣ 1798 г. Кочубей прибылъ въ Петербургъ и 18-го числа этого мѣсяца былъ очень милостиво принятъ Императоромъ и по приглашенію его провелъ нѣсколько дней въ Павловскѣ. Здѣсь онъ имѣлъ неоднократно продолжительные разговоры съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ; Императоръ дважды встрѣтилъ его у великаго князя и, казалось, былъ очень доволенъ ихъ сближеніемъ; однажды онъ провелъ въ бесѣдѣ съ ними около часу и, уходя, сказалъ Кочубею, что очень желалъ бы, чтобы онъ былъ при его сынѣ тѣмъ же, чѣмъ при немъ самомъ Безбородко, такъ чтобы имъ составить une espèce de quatuor. Конечно, бесѣды Кочубея съ великимъ княземъ касались по преимуществу государственныхъ дѣлъ; вѣроятно въ связи съ ними находится «Записка объ управленіи государствомъ», нѣсколько листовъ черновика которой, писанныхъ рукою самого Безбородко, сохранились въ бумагахъ Кочубея,—на нихъ сдѣлана имъ помѣтка, что записка эта составлена по просьбѣ великаго князя въ 1798 году. Однако, къ октябрю Кочубей замѣтилъ полное охлажденіе къ себѣ Государя; черезъ Кутайсова ему даже было сказано, чтобы онъ не ходилъ къ Государю по вечерамъ. Но скоро милость къ нему опять вернулась: 23 октября 1798 г. онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, въ декабрѣ 1798 г. управлялъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ во время поѣздки Безбородко въ Москву и 10 декабря получилъ командорскій крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ

опять замѣтна стала холодность Государя къ Кочубею, и даже къ Безбородкѣ; о Кочубеѣ Государь отзывался не разъ Растопчину, что онъ «умничаетъ», а когда однажды Растопчинъ рѣшился спросить, что это значитъ, Государь отвѣтилъ, что Растопчинъ этого понять не можетъ. Въ февралѣ 1799 г., по случаю обрученія великой княжны Александры Павловны съ палатиномъ Іосифомъ, Кочубей получилъ въ подарокъ 50,000 р., а 4 апрѣля 1799 года возведенъ былъ въ графское достоинство Россійской Имперіи; 21 апрѣля 1799 г. ему пожаловано по ордену Іоанна Іерусалимскаго командорское имѣніе, бывшее за Безбородкомъ до его смерти. Тѣмъ не менѣе Кочубей чувствовалъ постоянно, что Императоръ имъ недоволенъ; изъ одного письма Кочубея узнаёмъ, что однажды Императоръ заговорилъ съ нимъ объ Императрицѣ и съ крайнимъ неудовольствіемъ отзывался о ея стремленіи вмѣшиваться въ дѣла; Кочубей вообще былъ очень не высокаго мнѣнія о тактичности Императрицы Маріи Ѳеодоровны (что онъ даже въ довольно рѣзкой формѣ высказалъ въ письмѣ 8 апрѣля нов. ст. 1801 г. изъ Дрездена), но счелъ нужнымъ успокаивать Императора; это не понравилось и послѣ Кочубей говорилъ, что Императоръ недоволенъ имъ, подозрѣвая въ немъ излишнюю преданность великому князю Александру Павловичу и государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; поэтому вскорѣ послѣ смерти кн. Безбородко (который умеръ 6 апрѣля 1799 г.) Кочубей попросился въ отставку и 8 августа 1799 г. послѣдовалъ указъ: «вице-канцлера нашего Кочубея по желанію его всемилостивѣйше увольняя отъ службы, повелѣваемъ остаться

ему при исправленіи должности до пріѣзда тайнаго совѣтника гр. Панина»; гр. Н. П. Панинъ вступилъ въ должность 25 сентября 1799 г.—За время вице-канцлерства Кочубея привелось принимать участіе въ переговорахъ, которые завершились договоромъ 17 ноября 1798 г. съ неаполитанскимъ королемъ Фердинандомъ IV о подаяніи ему помощи, затѣмъ союзомъ и конвенціею съ Англіею (17 декабря 1798 г. и 10 іюня 1799) и наконецъ—союзнымъ договоромъ съ Португаліею (7 сентября 1799 года), но, конечно, рядомъ съ Безбородко ему въ это время принадлежала только второстепенная роль.

Позднею осенью 1799 г. В. П. Кочубей уѣхалъ въ Диканьку, послѣ того какъ 13 ноября состоялась его свадьба съ Маріею Васильевною Васильчиковой, сестрою Илл. Вас. Васильчикова, впослѣдствіи князя; отецъ графини Кочубей былъ дѣйствительный камергеръ В. С. Васильчиковъ, родной братъ Александра Семеновича Васильчикова, а мать—Анна Григорьевна, рожденная гр. Разумовская; супруга В. П. Кочубея родилась 10 сентября 1779 г., умерла 12 января 1844 г. въ званіи статсъ-дамы. Въ маѣ 1800 г. онъ выѣхалъ черезъ Кіевъ заграницу и узнавъ въ Дрезденѣ, въ концѣ марта 1801 г. по старому стилю, о воцареніи Императора Александра, немедленно выѣхалъ въ Петербургъ и изъ Берлина написалъ ему какое то, повидимому горячее, письмо. Въ то же время, 27 марта, гр. Кочубей писалъ къ гр. С. Р. Воронцову изъ Дрездена: «Je pars parce que je crois devoir quelque chose au Grand Duc Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs

efforts pour cicatriser les plaies infinis portées par son père à sa patrie; et apres cela voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne».

Однако, по дорогѣ, изъ Кенигсберга, написалъ онъ, между прочимъ, слѣдующее въ одномъ изъ писемъ къ гр. Воронцову: «По истинѣ, если бы было мнѣ возможно, если бы не отозвался я письмомъ къ самому о пріѣздѣ моемъ, никакъ бы не двинулся изъ Берлина; но теперь долженъ ужъ слѣдовать первому теченію, въ твердомъ будучи, однако же, намѣреніи убраться, какъ скоро нѣкоторыя непріятныя обстоятельства найдутся основательными». Мы не знаемъ въ подробности, какъ разрѣшились для Кочубея эти тяжелыя сомнѣнія; во всякомъ случаѣ онъ остался въ Петербургѣ и занялъ мѣсто въ ряду ближайшихъ сотрудниковъ и интимныхъ друзей молодого государя.

Сразу же онъ встрѣтилъ наилучшій пріемъ; немедленно ему предложено было мѣсто посла въ Парижѣ, но Кочубей отказался, желая, если служить, то въ Россіи; молодой императоръ, повидимому, остался очень доволенъ этимъ его рѣшеніемъ и Кочубей былъ въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, постоянно бывалъ при дворѣ.

1801—1802.

Вмѣстѣ съ Н. Н. Новосильцевымъ, гр. П. А. Строгоновымъ и кн. А. А. Чарторижскимъ Кочубей принималъ постоянно участіе въ засѣданіяхъ того негласнаго комитета, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на всѣ дѣла и который Императоръ называлъ въ шутку Comité du salut public. Кн. Чарторижскій называетъ Кочубея самымъ осторожнымъ и благоразумнымъ изъ всѣхъ членовъ этого комитета; повидимому, дѣйствительно, Кочубей стоялъ въ немъ нѣсколько особнякомъ; въ публикѣ тоже говорили о тріумвиратѣ Чарторижскаго, Строганова и Новосильцева, не присоединяя къ этимъ именамъ имени Кочубея; это не мѣшало, однако, наилучшимъ отношеніямъ къ Кочубею Императора; И. И. Дмитріевъ, говоря о вступленіи новыхъ лицъ въ управленіе, вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ, Кочубея признаетъ «главою» той партіи, которую онъ называетъ партіею «молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованія и улучшеній». Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. Кочубей представлялъ Императору записку, въ которой говорилъ, что нѣтъ необходимости при-

нимать ежедневно всѣхъ министровъ и вообще постоянно принимать доклады, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры поневолѣ должны будутъ перѣдко занимать государя дѣлами, которыя вовсе не требуютъ, въ сущности, такого вниманія и могутъ быть разрѣшаемы самими министрами сообразно законамъ; необходимость измѣнить установившійся при покойномъ императорѣ порядокъ Кочубей доказывалъ, между прочимъ, ссылками на примѣръ Екатерины II, перваго консула и на порядокъ существующій въ Англіи. Въ засѣданіи комитета 10 іюня 1801 г. ему поручено было составить записку о новыхъ основаніяхъ для внѣшней политики Россіи; Кочубей попросилъ въ томъ же засѣданіи самого Императора дать ближайшія указанія по этому предмету и въ результатѣ разговоровъ принято было, что Россія должна «поступать такъ, чтобы всѣ державы дорожили ея дружбою, но не связывать себя никакими обязательствами подобно тому, какъ сдѣлала покойная императрица, заключивъ въ одно и то же время союзные трактаты съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, коихъ интересы противуположны между собою». Въ августѣ Кочубей представилъ свою записку по этому вопросу. Повторивъ указанныя выше положенія и разсматривая въ частности отношенія Россіи къ разнымъ державамъ, онъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о взаимномъ положеніи Россіи и каждой изъ другихъ европейскихъ державъ: Турція и Швеція являются естественными врагами Россіи, но въ настоящее время не опасны по своей слабости; распаденіе Турціи представляется возможнымъ и въ случаѣ наступленія этого событія необходимо на-

стоять, чтобы Молдавія и Валахія не перешли къ Австріи, а составили бы самостоятельное государство. Въ отношеніяхъ къ Пруссіи и Австріи, которыя постоянно соперничаютъ между собою, слѣдуетъ соблюдать нейтралитетъ, «отклоняться же отъ него въ пользу одной изъ сихъ державъ только лишь тогда, когда этого потребуютъ наши собственныя выгоды»; на мелкія государства Германіи мы должны сохранять вліяніе, но перемѣны во внутреннемъ устройствѣ Германіи для насъ не представляютъ важности. Въ ноябрѣ Кочубею поручено было составить проектъ указа объ улучшеніи участи крестьянъ; но этотъ вопросъ занималъ комитетъ менѣе, относительно него не было выработано самостоятельнаго рѣшенія и проекта такого указа Кочубей не представлялъ; вскорѣ затѣмъ ему же поручено было составить планъ учрежденія совѣта; наконецъ, въ мартѣ 1802 г. онъ читалъ первоначальные наброски плана учрежденія министерствъ; кажется, эта послѣдняя работа была уже дѣломъ Сперанскаго, котораго Кочубей узналъ и сталъ приближать къ себѣ съ тѣмъ умѣньемъ цѣнить и выбирать людей, какое признаютъ за нимъ всѣ, его знавшіе, и даже такой вообще недоброжелательный и желчный свидѣтель, какъ Ф. Ф. Вигель.

Возвращаясь въ Петербургъ, Кочубей выражалъ намѣреніе если ужъ служить, то никакъ не по дипломатической части, даже и въ Россіи, не говоря уже о какомъ нибудь мѣстѣ за границей. 23 іюля 1801 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ съ повелѣніемъ состоять при особѣ Его Величества; этимъ, по словамъ Кочубея, было подчеркнуто нѣсколько исключи-

тельное положеніе его и дана ему свобода отъ участія въ текущихъ дѣлахъ Сената; черезъ руки его прошла, между прочимъ, переписка Ф. Ц. Лагарпа съ Государемъ о позволеніи ему пріѣхать въ Россію, чему, какъ извѣстно, очень не сочувствовали многіе, занимавшіе тогда видныя мѣста, напр. гр. Н. П. Панинъ. 30 сентября 1801 г. гр. Н. П. Панинъ, съ 21 марта 1801 г. завѣдывавшій иностранными дѣлами, былъ уволенъ въ трехлѣтній отпускъ и Кочубею пришлось уступить настояніямъ Государя и принять въ свое управленіе коллегію иностранныхъ дѣлъ, со званіемъ присутствующаго въ ней; онъ и управлялъ ею до 8 сентября 1802 г.; 24 ноября 1801 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ объ образованіи Новороссійскаго края и объ образованіи Астраханскаго края; 11 декабря того же года— членомъ Государственнаго Совѣта.

Гр. Кучубей принялъ управленіе внѣшними дѣлами крайне неохотно; самое назначеніе его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ состоялось безъ его вѣдома; но при своихъ отношеніяхъ къ Государю онъ не счелъ возможнымъ не принять этого мѣста. Въ виду неоднократныхъ заявленій Кочубея, что дипломатическія сношенія представляются ему менѣе интересными и менѣе важными, чѣмъ дѣла внутренняго управленія, мы не можемъ, конечно, и ожидать у него опредѣленной, широкой, а тѣмъ болѣе самостоятельной программы дѣйствій въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Но нельзя не поставить ему въ заслугу, что на этомъ мѣстѣ онъ явился вѣрнымъ послѣдователемъ знаменитыхъ екатерининскихъ дипломатовъ графа Н. И. Панина и его преемника,

князя А. А. Безбородко. Какъ и они, онъ имѣлъ твердое убѣжденіе, что русское правительство обязано заботиться о непосредственныхъ, ближайшихъ выгодахъ своего народа. Россія, говорилъ онъ, слишкомъ часто и безъ достаточнаго повода вмѣшивалась въ дѣла, прямо ея не касавшіяся и вела войны, дорого ей стоившія и для нея безполезныя; русское населеніе не извлекало изъ нихъ никакихъ выгодъ, а между тѣмъ несло и огромныя экономическія невыгоды, не говоря уже о потерѣ людьми. «Я буду стараться слѣдовать національной системѣ, т. е. системѣ, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи къ той или другой державѣ», писалъ онъ гр. С. Р. Воронцову. Ему всегда представлялось крайне нежелательнымъ, чтобы Россія подчинялась въ своихъ международныхъ отношеніяхъ какой либо европейской державѣ; мы не можемъ сказать, чтобы Кочубей ясно и опредѣленно видѣлъ,—а тѣмъ болѣе, указалъ-бы,—путь, какимъ надо и можно идти къ этой цѣли, но несомнѣнно, что по его убѣжденію къ этой цѣли правительство не пойдетъ, если будетъ слѣдовать слѣпо за какою бы то ни было другою державою. И онъ очень чутко относился ко всему, что казалось ему опаснымъ въ этомъ отношеніи; такъ, ему не нравилось, что императоръ оказываетъ слишкомъ большое расположеніе къ Пруссіи; одновременно отзывался онъ о донесеніяхъ Крюденера изъ Берлина и Разумовскаго изъ Вѣны, что первый слишкомъ поддается взглядамъ прусскаго министерства, а второй—взглядамъ вѣнскаго. Въ дѣйствіяхъ своихъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Кочубей оставался совершенно вѣренъ тѣмъ об-

щимъ положеніямъ, какія высказывалъ онъ въ упомянутыхъ выше запискахъ своихъ, читанныхъ въ секретномъ комитетѣ. Когда въ началѣ 1802 года сдѣлалось извѣстно намѣреніе Императора имѣть свиданіе съ прусскимъ королемъ, Кочубей дважды поднималъ объ этомъ разговоръ въ негласномъ комитетѣ. Въ засѣданіи негласнаго комитета 24 марта 1802 г. Кочубей доложилъ Государю, что многія обстоятельства убѣдили его въ существованіи предположенія, имѣющаго цѣлью союзъ между Россіей, Пруссіей и Франціей и что поэтому онъ осмѣливается спросить — нѣтъ ли какихъ либо признаковъ этому въ перепискѣ его съ королемъ прусскимъ; Государь отвѣтилъ, что не получалъ отъ короля прусскаго ничего, кромѣ извѣстныхъ Кочубею писемъ, въ которыхъ о союзѣ не говорится; на вопросъ Кочубея, какъ же слѣдуетъ отвѣчать, если бы такое предложеніе было сдѣлано, Государь отвѣтилъ, что онъ не видитъ въ немъ ничего вреднаго. Кочубей возражалъ, но Государь не согласился съ его доводами; однако, онъ далъ прямое обѣщаніе, что въ Мемелѣ состоится только дружественная встрѣча, на которой вопросы политическіе не будутъ затронуты; указанныя выше замѣчанія Кочубея, что перемѣны во внутреннемъ устройствѣ Германіи для насъ не представляютъ важности, направлены, несомнѣнно, противъ вліянія на Императора разныхъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, которые, къ большому неудовольствію Кочубея, постоянно посѣщали русскую столицу и втягивали Императора, какъ казалось Кочубею, въ свои интересы, отношенія и интриги. Кочубей, вмѣстѣ съ Новосильцевымъ, гр. П. А. Толстымъ, кн.

П. М. Волконскимъ, кн. П. П. Долгоруковымъ и гр. К. А. Ливеномъ, сопровождалъ императора Александра въ маѣ 1802 г. въ его поѣздкѣ въ Мемель; онъ былъ осыпанъ наградами — король прусскій пожаловалъ ему оба высшіе прусскіе ордена—Краснаго орла и Чернаго орла, но тѣмъ не менѣе, Кочубей остался недоволенъ тѣмъ, что, по его наблюденіямъ, любезности всякаго рода, какія расточены были предъ Императоромъ всею прусскою королевскою фамиліею, не остались безъ вліянія и что Императоръ сталъ ближе прежняго принимать къ сердцу прусскіе интересы.

Кратковременное управленіе Кочубея министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ознаменовано только однимъ сколько нибудь выдающимся событіемъ—присоединеніемъ Грузіи, которое состоялось 11 октября 1801 г. Гр. Кочубей былъ противъ этого присоединенія, находя, что выгоды оно принесетъ малыя, а осложненія можетъ вызвать значительныя. Впрочемъ, впослѣдствіи, уже будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно этой вновь присоединенной области руководствовался правиломъ, которое и высказывалъ прямо, что разъ уже присоединеніе это состоялось—необходимо извлекать изъ него всѣ возможныя выгоды.

1803—1807.

8 сентября 1802 г. обнародованъ былъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ и Кочубей назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ему пришлось, такимъ образомъ, создавать новое министерство сформировать его. Ближайшимъ сотрудникомъ его, и въ сущности главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи, явился М. М. Сперанскій. Трощинскій, ближайшимъ помощникомъ котораго по Совѣту былъ тогда Сперанскій, узнавъ о предположеніи назначить его во вновь создаваемое министерство, очень хлопоталъ, чтобы Сперанскій остался при немъ или по крайней мѣрѣ, сохранилъ бы за собою и прежнее свое мѣсто; но по особому представленію Кочубея 8 же сентября 1802 года послѣдовалъ указъ — «статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ».

При первоначальной организаціи министерства въ немъ (7 января 1803 года) былъ учрежденъ одинъ лишь департаментъ, директоромъ котораго и назначенъ Сперанскій; затѣмъ, 18 іюля 1803 г., учреждена въ министерствѣ экспедиція государственнаго хозяйства, названная первой, и поручена т. с. Габлицу; 31 де-

кабря 1803 г. учреждена третья экспедиція «государственной медицинской управы», порученная Кампенгаузену; Сперанскій, остававшійся по прежнему душею министерства, сохранилъ за собою непосредственное управленіе второю экспедиціею—«экспедиціею государственнаго благоустройства».

Чрезвычайно любопытныя данныя о дѣятельности Кочубея какъ министра внутреннихъ дѣлъ заключаетъ отчетъ его по министерству за 1803 г., составленный, по свидѣтельству барона Корфа, Сперанскимъ: въ отчетѣ этомъ—первомъ за полный годъ—высказаны общія соображенія, какими руководились гр. Кочубей и его ближайшій помощникъ, и намѣчены тѣ вопросы, которые они почитали стоящими на ближайшей очереди; журналы комитета министровъ, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ своего управленія министерствомъ Кочубей почти не выходилъ за предѣлы, намѣченные въ первомъ его отчетѣ.

По словамъ этого отчета, «предметы министерства внутреннихъ дѣлъ вообще принадлежатъ къ государственному хозяйству и общему благоустройству»; министерство впервые должно объединить въ своемъ вѣдѣніи многіе предметы, которые прежде входили въ кругъ вѣдѣнія разныхъ учрежденій и не были связаны. Собравъ свѣдѣнія о мѣстахъ, которыя должны теперь подлежать вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, министръ раздѣлилъ ихъ на три вышеупомянутыя экспедиціи. Первой экспедиціи поручены были: заботы о земледѣліи, о разныхъ отрасляхъ промышленности и опека иностранныхъ поселенцевъ; второй—заботы вообще «о внутрен-

ней тишинѣ», которая опредѣлена, какъ «равновѣсіе и непоколебимость тѣхъ отношеній, въ коихъ разные классы государства и члены, ихъ составляющіе, находятся между собою и въ коихъ поставлены они закономъ»; наконецъ третьей экспедиціи были переданы всѣ дѣла бывшей медицинской коллегіи.

Дѣятельность первой экспедиціи была направлена прежде всего на обезпеченіе имперіи продовольствіемъ. Въ 1803 году были частные недороды въ губерніяхъ Смоленской и сѣверныхъ; министерство закупило въ другихъ мѣстностяхъ хлѣба приблизительно на 180,000 руб. и успѣло предотвратить острый недостатокъ въ продовольствіи и сильное повышеніе цѣнъ. Вслѣдъ за тѣмъ обращено было вниманіе на лучшее устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, заведеніе которыхъ предписано было еще въ 80-хъ годахъ XVIII в., но которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали лишь на бумагѣ. Выработанъ былъ проектъ лучшаго надзора за ними и составленія въ теченіе 48 лѣтъ годового запаса, путемъ взноса ежегодно по получетверику съ души озимого хлѣба и по полугарнцу ярового; мѣра эта не осуществилась въ полномъ своемъ размѣрѣ, особенно благодаря тому, что въ 1805 году снова былъ неурожай, еще болѣе сильный. Бо̀льшіе результаты были достигнуты въ заботахъ объ обезпеченіи населенія солью. Недостатокъ соли — это былъ бичъ, съ которымъ приходилось постоянно бороться правительству въ теченіе всего XVIII в.; въ 1802 году недостатокъ этотъ снова проявился. Соляной промыселъ вообще находился въ большомъ неустройствѣ. Бла-

годаря неизбѣжной необходимости развозить соль на громадныя разстоянія, торговля ею давно уже приносила казнѣ убытки, а не барыши, на которые часто расчитывали; въ 1802 году потери казны на этой операціи достигали 750,000 руб. Лучшею организаціею торговъ министерство успѣло не только совершенно уничтожить эту потерю, но даже получить для казны небольшую прибыль. Это было достигнуто благодаря тому, что во-1) торги на поставку соли были произведены въ Петербургѣ не разновременно для разныхъ губерній, а одновременно для всѣхъ—благодаря этому явилось больше конкурентовъ, а во-2) подряды сданы были не на годъ, а на три, на четыре года—благодаря этому цѣны были ниже, ибо необходимые для начатія дѣла расходы явилась возможность безопасно разложить на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, усилена была добыча соли въ Эльтонѣ и доведена съ 8.000,000 пудовъ въ годъ до 9.600,000 пудовъ, и, наконецъ, введены значительныя улучшенія въ соляные промыслы илецкій, дедюхинскій и старорусскій.

Въ первые же годы управленія Кочубея министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ принятъ рядъ частныхъ мѣръ къ улучшенію въ Россіи рыбныхъ промысловъ, овцеводства, пчеловодства, къ развитію шелководства, винодѣлія, сахароваренія; мѣры эти, впрочемъ, не были особенно крупны и особыхъ результатовъ не принесли. Относительно обрабатывающей промышленности въ отчетѣ своемъ министръ внутреннихъ дѣлъ высказывалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ, по которому не только всякія казенныя промышленныя предпріятія идутъ всегда хуже частныхъ, но и во-

обще промышленность всего лучше развивается, если ей предоставлена полная свобода, если въ ея ходъ меньше вмѣшиваются; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ отчетѣ заявлено, что для государства, въ которомъ промышленность еще не успѣла достаточно развиться и окрѣпнуть, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, силою обстоятельствъ поставлено въ неизбѣжныя сношенія съ другими государствами, несравненно болѣе развитыми въ промышленномъ отношенія — необходимо принимать нѣкоторыя особыя мѣры для поддержанія своей промышленности. Министерство намѣревалось обратить на это дѣло особое вниманіе; было высказано между прочимъ, предположеніе, что полезно было бы создать особый капиталъ, для поддержки фабрикъ и заводовъ; всего ихъ считалось тогда въ Россіи 2,393.

Наконецъ, вѣдѣнію первой экспедиціи подлежали и поселившіеся въ Россіи иностранцы. Всѣхъ иностранцевъ, вышедшихъ въ Россію съ 1764 г.,—канцелярія, которая имѣла своимъ предметомъ ихъ вызовъ, была учреждена 22 іюля 1763 г. считалось до 50,000; въ послѣднія 10—15 лѣтъ царствованія Екатерины II приглашеніе переселенцевъ изъ Западной Европы было прекращено: съ одной стороны правительство убѣдилось, что оттуда является по преимуществу элементъ нежелательный— разные неудачники и лѣнтяи, которые немогли найдти работы дома,—съ другой стороны въ эти годы вниманіе правительства было обращено по преимуществу на переселенцевъ, выходившихъ изъ Крыма и изъ армянскихъ областей Турціи. Кочубей возобновилъ вызовъ колонистовъ изъ Западной Европы и въ теченіе 1802—

1803 гг. изъ Германіи, Швейцаріи, Пруссіи и Болгаріи переселилось въ Россію до 3,000 человѣкъ; имъ, по прежнему, предоставлены были различныя финансовыя льготы, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры, способныя устранить изъ числа переселяющихся въ Россію всѣ нежелательные элементы и обезпечить, наоборотъ, принятіе въ число переселяемыхъ лишь дѣйствительно знающихъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Что касается переселеній казенныхъ крестьянъ внутри имперіи, къ чему обнаруживали большую склонность нѣкоторые губернаторы, подъ предлогомъ, якобы, недостатка въ той или другой мѣстности земель, годныхъ для обработки, то Кочубей не признавалъ вообще, чтобы въ тогдашней Россіи существовали такія мѣстности и нѣсколько подобныхъ предложеній отклонилъ, совершенно справедливо находя ихъ безцѣльными для государства и вредными для благосостоянія крестьянъ. Добровольнымъ ихъ переселеніямъ онъ, конечно, не ставилъ препятствій—такъ въ эти два года переселились свыше 1,000 человѣкъ изъ Слободско-уральской губерніи на кавказскую линію; въ это же время устроено поселеніе для молоканъ на урочищѣ Молочныя воды въ Екатеринославской губерніи.

Ко второй экспедиціи, непосредственно подчиненной Сперанскому, относились дѣла по государственному благоустройству; въ отчетѣ по этой экспедиціи на первомъ мѣстѣ поставлены разсужденія о лучшемъ устройствѣ полиціи, а главное вниманіе посвящено разсужденіямъ о внутренней тишинѣ, подъ которою — несомнѣнно по изложенію—разумѣется установленіе и со-

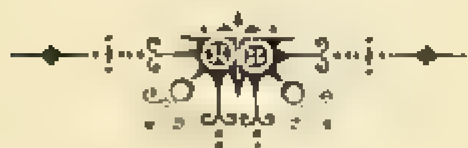
блюденіе должныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщичьей власти. Если такого рода дѣла были въ ближайшемъ вѣдѣніи Сперанскаго, то, ему, дѣйствительно было въ чемъ «стремиться къ преобразованіямъ смѣлымъ», о которыхъ говоритъ баронъ Корфъ; но если правъ баронъ Корфъ, приписывая Сперанскому такія стремленія, то, вѣроятно, правъ онъ и въ своемъ свидѣтельствѣ, что Кочубей сдерживалъ своего помощника: по этимъ вопросамъ сдѣлано было въ министерство Кочубея очень мало; самая вторая экспедиція была организована окончательно послѣ первой и третьей и только уже въ 1806 году.—20 февраля 1803 г. вышло положеніе о свободныхъ хлѣбопашцахъ. На другой день, 21 февраля 1803 г. даны были министру внутреннихъ дѣлъ правила для руководства при утвержденіи условій между помѣщиками и крестьянами. Сообщая циркулярно начальникамъ губерній о томъ, что они получатъ вскорѣ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, гр. Кочубей слѣдующимъ образомъ истолковывалъ этотъ указъ: «Намѣреніе сего установленія состоитъ въ томъ, чтобы доставить помѣщикамъ возможность отдавать свои земли въ наемъ или обращать въ продажу, за выгоднѣйшія цѣны, не въ однѣ чужія руки, но и собственнымъ ихъ крестьянамъ, если господинъ найдетъ въ томъ свою выгоду и пожелаетъ доставить имъ прочную пользу... Никакъ не предполагается при семъ ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами и ни малѣйшей перемѣны не вводится въ образѣ управленія сихъ послѣднихъ»—при такомъ отношеніи къ этому указу со стороны того вѣдомства, которому принадлежала наибольшая роль при

его осуществленіи, не удивительно, что законъ этотъ не получилъ широкаго примѣненія; въ теченіе 1803 — 1805 годовъ устроены были сообразно этому законоположенію крестьяне гр. С. П. Румянцева, кн. Куракина, д. с. с. Петрово-Соловово, помѣщицы Балакиревой и купца Пантелеева; впослѣдствіи освобождалось такимъ образомъ въ годъ приблизительно по 1,000 душъ среднимъ числомъ. Эта важная мѣра не получила сколько нибудь значительнаго развитія; освобожденіе было обставлено слишкомъ большими формальностями и указъ примѣнялся сколько нибудь чаще лишь въ самое первое время послѣ обнародованія. Положеніе крестьянъ въ остзейскихъ провинціяхъ занимало также вниманіе правительства; 11 мая 1803 г. Кочубей назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета для составленія положенія о крестьянахъ лифляндскихъ и эстляндскихъ. — Второй экспедиціи поручены были заботы о казенныхъ строеніяхъ; новыя постройки въ довольно широкихъ размѣрахъ и были предприняты: на первый же годъ ассигновано было на нихъ до 1.000,000 руб.; наконецъ, въ вѣдѣніи той же экспедиціи находились Приказы общественнаго призрѣнія; суммы этихъ послѣднихъ въ общемъ возрасли, по счисленіи, произведенному въ 1803 году, до 5.000,000 руб.; но большинство учрежденій, подвѣдомственныхъ этимъ приказамъ, оказалось въ довольно плачевномъ состояніи; Кочубей лично осмотрѣлъ всѣ больницы Петербурга и другія подобныя учрежденія въ столицѣ и энергично принялся за улучшенія въ нихъ. При дальнѣйшемъ изученіи дѣлъ этихъ приказовъ оказалось, что къ 1803 г. суммы ихъ достигали не 5 милл.,

а восьми слишкомъ; къ 1819 году, когда снова вступилъ въ управленіе министерствомъ Кочубей, было уже 14 милл. слишкомъ собственно суммъ приказовъ и свыше 16 милл. суммъ, находившихся въ приказахъ на храненіи.—Экспедиція медицинская заботилась о снабженіи имперіи докторами и медикаментами и объ распространеніи оспопрививанія.

Изъ отдѣльныхъ мѣропріятій Кочубей въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ отмѣтимъ раздѣленіе губерніи Новороссійской на три—Таврическую, Херсонскую и Екатеринославскую (указъ 8 октября 1802 г.) и Тобольской—на двѣ Тобольскую и Томскую (указъ 26 февраля 1803 г.); затѣмъ обращено было большое вниманіе на устройство Одессы. 27 января 1803 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ города герцогъ Ришелье и энергично принялся за его устройство, а Кочубей со своей стороны весьма сочувственно и внимательно относился къ его представленіямъ; городъ и весь край такъ замѣтно прогрессировали, что вскорѣ Кочубей могъ высказать надежду, что въ ближайшемъ будущемъ Одесса сдѣлается важнѣйшимъ экспортнымъ пунктомъ имперіи.—Обращено было, наконецъ, вниманіе на положеніе евреевъ и крещенныхъ инородцевъ. 9 ноября 1802 г. Кочубей былъ назначенъ членомъ «комитета о благоустроеніи евреевъ», въ составъ котораго входили кромѣ него: гр. В. А. Зубовъ, Г. Р. Державинъ, кн. А. А. Чарторижскій и гр. С. О. Потоцкій; 9 декабря 1804 г. утверждено выработанное этимъ комитетомъ положеніе о евреяхъ; но положеніе это не было осуществлено, потому что, въ виду вниманія, которое началъ съ 1806 г. обнаруживать къ евреямъ Напо-

леонъ, и императоръ Александръ счелъ нужнымъ пересмотрѣть этотъ вопросъ снова и онъ затянулся чуть не на десять лѣтъ. 5 сентября 1805 г., предъ самымъ отправленіемъ Государя къ арміи, былъ учрежденъ «комитетъ для совѣщанія по дѣламъ, сохраненія всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченія народнаго продовольствія»; въ составъ его вошли: главнокомандующій въ Петербургѣ, С. К. Вязмитиновъ, министръ юстиціи кн. П. В. Лопухинъ и гр. Кочубей.

1808—1825.

Кочубей управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до осени 1807 года. Тильзитскій миръ внесъ рѣзкую перемѣну въ политику императора Александра и вызвалъ рѣзкую перемѣну въ его характерѣ. По всему, что мы знаемъ о Кочубеѣ, мы не удивимся, что и онъ со своей стороны измѣнилъ отношеніе къ императору Александру; отзывы его объ императорѣ въ письмахъ совершенно измѣнились; они стали нетолько холодными, а прямо недружелюбными; Кочубей не скрывалъ теперь, что совершенно не сочувствуетъ направленію, какому слѣдуетъ въ политикѣ императоръ; кромѣ того, онъ дѣйствительно страдалъ въ Петербургскомъ климатѣ отъ подагры; онъ просился въ отставку и 24 ноября 1807 г. уволенъ по болѣзни въ отпускъ. Съ этого времени до 1810 г. онъ оставался вдали отъ дѣлъ. Впрочемъ, отношенія его съ императоромъ мало по малу возстановлялись; въ 1809 г. онъ принималъ участіе въ комитетѣ, которому было поручено изыскать средства къ возстановленію равновѣсія въ бюджетѣ; со Сперанскимъ онъ сохранилъ близкія и хорошія отношенія и въ эпоху высшаго вліянія Сперанскаго выработан-

ный имъ проектъ новаго устройства Государственнаго Совѣта былъ сообщенъ до обнародованія лишь четыремъ лицамъ— кн. Лопухину, гр. Салтыкову, гр. Завадовскому и гр. Кочубею; 1-го января 1810 г. при самомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта по новому положенію, Кочубей назначенъ былъ его членомъ по департаменту государственной экономіи и въ этомъ званіи энергично содѣйствовалъ проведенію плана финансовыхъ реформъ, который былъ выработанъ также Сперанскимъ, и въ предварительныхъ обсужденіяхъ котораго Кочубей принималъ дѣятельное участіе; манифестомъ 2 февраля 1810 г. было объявлено объ утвержденіи этого плана. Въ то же время, въ теченіе 1810—1811 гг. Кочубей, тоже вмѣстѣ только съ двумя лицами—кн. Лопухинымъ и гр. Завадовскимъ,—разсматривалъ и обсуждалъ выработанный Сперанскимъ же проектъ преобразованія Сената, согласно которому Сенатъ долженъ былъ раздѣляться на правительственный и судебный. Послѣ жаркихъ споровъ и эта реформа прошла черезъ Государственный Совѣтъ, и была утверждена Государемъ; но въ исполненіе она не была приведена: немедленное ея осуществленіе было задержано необходимыми подготовительными работами, а затѣмъ настала опала Сперанскаго и великая борьба съ Наполеономъ, настроеніе же правительства въ послѣдніе годы царствованія Александра I такой реформѣ было вовсе не благопріятно.

Причины опалы и ссылки Сперанскаго остались неизвѣстны Кочубею, но эта перемѣна въ судьбѣ Сперанскаго прервала на время отношенія къ нему Кочубея;

вотъ какъ говоритъ самъ онъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ Сперанскому, писанномъ въ сентябрѣ 1818 г. и съ котораго отношенія ихъ возобновились: «Если съ 1812 г. оставался я въ молчаніи, то легко вы себѣ представить можете, что оно было для меня столь же прискорбно, сколько я самое положеніе ваше. Никогда не могъ и вообразить, чтобы могло имѣть какое либо основаніе взведенное что то на васъ непріятелями вашими, ибо и досёлѣ я ничего о семъ не знаю; но какъ скоро гласное удаленіе васъ знаменовало гнѣвъ Высочайшій, то я, почитая оный какъ должно, ожидалъ въ молчаніи, чтобъ вѣра Его Величества была просвѣщена и всегдашняя его склонность къ благотворенію обратилась на васъ». На это письмо Сперанскій отвѣчалъ самымъ сердечнымъ письмомъ и переписка между ними уже не прекращалась во все время до возвращенія Сперанскаго съ сибирскаго генералъ-губернаторства. Съ обѣихъ сторонъ письма отличались полнѣйшею сердечностью; Сперанскій несомнѣнно вполнѣ вѣрилъ искренности Кочубея, который со своей стороны писалъ ему очень откровенно, не стѣсняясь довольно сурово порицать ходъ дѣла въ Петербургѣ. Въ одномъ письмѣ Кочубей говоритъ: «Знаете ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мірѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько нибудь насъ возвышающихъ. Я до ссылки вашей жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе или менѣе казалось, что люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ; но тутъ увидѣлъ я, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое, и говорятъ не краснѣя и смотря тебѣ въ глаза, какъ бы ничего не бывало».

Нельзя находить ни малѣйшаго недоброжелательства къ Сперанскому и въ одной запискѣ Кочубея, приводимой, по черновику, Корфомъ въ его біографіи Сперанскаго; тамъ видно лишь, что Кочубей, послѣ періода войнъ, убѣдился, что предположенныя по плану Сперанскаго финансовыя мѣры частью не могли быть осуществлены, частью оказались недостаточными; въ этой же самой запискѣ видно полное сочувствіе общимъ идеямъ, руководившимъ ея составителя и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Кочубей былъ въ данномъ случаѣ неискрененъ.

20 января 1812 г. Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта; при началѣ войны онъ находился въ свитѣ Государя. Послѣ Бородинской битвы ему предложено было мѣсто посла въ Англіи, съ которою предстояло установить тѣсное сближеніе, при чемъ Кочубею подавали надежду, что вскорѣ онъ будетъ сдѣланъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; но Кочубей заявилъ, что не желаетъ покидать отечества въ моментъ, когда положеніе такъ необыкновенно важно и когда еще не ясно, чѣмъ кончится великая борьба; вообще Кочубей не любилъ покидать Россію надолго и въ одномъ письмѣ прямо говоритъ, что долгое пребываніе внѣ отечества противъ его правилъ. Когда возникли серьезныя разногласія между Барклаемъ-де-Толли и Багратіономъ, рѣшеніе вопроса объ организаціи главнаго командованія арміею было поручено особому совѣщанію, въ которомъ призваны были участвовать гр. Салтыковъ, ген. Вязмитиновъ, гр. Аракчеевъ, ген.-адъют. Балашевъ, кн. Лопухинъ и гр. Кочубей;

по единогласному рѣшенію этихъ лицъ, состоявшемуся 5 августа. и поручена была главная команда Кутузову. Кочубей послѣдовалъ за императоромъ и въ Германію и находился при немъ все время заграничнаго похода; когда объявлено было уничтоженіе Рейнскаго Союза, онъ былъ въ мартѣ 1813 г. назначенъ президентомъ учрежденнаго тогда, но не долго дѣйствовавшаго, Центральнаго Совѣта, въ которомъ были членами отъ Россіи онъ и баронъ Штейнъ, а отъ Пруссіи де-Шенъ и Ридигеръ. 30 августа 1814 г. Кочубей былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра I степени.

10 января 1816 г. Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта; большую часть 1817 и 1818 гг. провелъ за границей, преимущественно въ Парижѣ, по семейнымъ обстоятельствамъ.

Весною 1819 г. умеръ О. П. Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ; Государь въ это время находился въ отсутствіи, совершая поѣздку по сѣверу Россіи, и временно завѣдываніе дѣлами министерства было поручено кн. А. Н. Голицыну, управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; затѣмъ, въ октябрѣ 1819 г., при самомъ возвращеніи Государя въ Петербургъ, умеръ министръ полиціи, гр. С. К. Вязмитиновъ; 4 ноября министерство внутреннихъ дѣлъ поручено было гр. Кочубею и одновременно къ этому министерству присоединены всѣ дѣла бывшаго министерства полиціи.

Гр. Кочубей принялъ управленіе министерствомъ лишь со званіемъ управляю-

щаго и сохранилъ за собою мѣсто предсѣдателя въ департаментѣ Государственнаго Совѣта, высшее чѣмъ министерское. Это второе его министерство обнимало время съ 4 ноября 1819 г. по 25 февраля 1823 г. Въ общемъ оно является продолженіемъ перваго; но если и тогда Кочубей не только не совершилъ существенныхъ реформъ, а можно сказать и не предпринялъ никакихъ крупныхъ преобразованій, то теперь еще того болѣе онъ ограничился почти только отправленіемъ текущихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Сперанскому за это время онъ жалуется, что «никто съ системою дѣлами управленія не занимается. Главною цѣлью полагаютъ исполнители очищать сколько можно болѣе бумагъ и непрестанно оказываются противорѣчія». Дѣйствительно, послѣднее десятилѣтіе Александровскаго царствованія отмѣчено такимъ общимъ характеромъ; но Кочубей, понимая ясно недостаточность такой системы,—если не сказать, такого отсутствія системы—самъ не сумѣлъ при такомъ общемъ направленіи дѣйствовать иначе.

Изъ мѣръ, принятыхъ во второе его министерство и имѣвшихъ значеніе для послѣдующаго времени, должно отмѣтить реорганизацію обезпеченія населенія отъ неурожаевъ. Сильный недородъ въ теченіе 1820, 1821 и 1822 гг. показалъ недостаточность хлѣбныхъ магазиновъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ. Выяснилось, что въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе постоянно должно покупать хлѣбъ, положительно невозможно собрать въ магазинахъ такіе запасы, которые бы дѣйствительно обезпечивали населеніе при неурожаѣ въ мѣстностяхъ, которыя снабжаютъ своимъ хлѣбомъ дру-

гія мѣста. Поэтому было принято за правило, что хлѣбные запасы должны быть накопляемы лишь тамъ, гдѣ обыкновенно производятся хлѣбъ въ избыткѣ; для остальныхъ же мѣстностей положено было впредь образовать особые продовольственные капиталы путемъ сбора по 25 к. съ души ежегодно и изъ этихъ капиталовъ выдавать при наступленіи нужды ссуды населенію, съ тѣмъ, чтобы ссуды эти были впослѣдствіе возвращаемы. Впрочемъ и эти мѣры являлись, въ сущности палліативами; изъ работъ комитета, обсуждавшаго этотъ вопросъ, всего важнѣе было, что онъ прямо призналъ необходимость уничтожить всякія стѣсненія во внутренней перевозкѣ хлѣба и торговлѣ имъ.

Ко времени второго министерства Кочубея дѣла по фабрикамъ и заводамъ отошли уже къ министерству финансовъ, но Кочубей по прежнему интересовался ими и, сколько могъ, оказывалъ содѣйствіе торговлѣ. Такъ, при немъ было много сдѣлано для улучшенія Нижегородской ярмарки: организовано лучшее управленіе ею, построенъ отличный гостиный дворъ, стоившій до полутора милліона рублей, и ежегодно отпускаемо было по 100,000 р. на улучшеніе ярмарки; стоимость привозимыхъ на нее товаровъ превысила полтораста милліоновъ и доходовъ въ пользу казны собиралось на ней свыше 350,000 руб. Въ 1823 г. утверждено было общество для заведенія пароходовъ по Волгѣ; учредителями его явились Нарышкинъ, гр. Воронцовъ, гр. Нессельроде, д. с. с. Уваровъ и тит. сов. Евреиновъ.—Капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія возросли до 14 милл. руб., а съ суммами, находившимися въ нихъ на храненіи — до 31 милл.; въ

1820 г. Кочубей издалъ правила объ ихъ употребленіи. Наконецъ, по прежнему заботилось министерство о привлеченіи колонистовъ; правительство употребляло на нихъ довольно значительныя суммы: такъ въ одинъ изъ годовъ вторичнаго управленія министерствомъ Кочубея было истрачено на этотъ предметъ до 88,000 р., въ другой — до 340,000; теперь колонистовъ направляли по преимуществу въ Бессарабію, недавно присоединенную; 10 іюля 1822 г. Кочубею ввѣрено было временное управленіе Бессарабіею: оно было въ то время организовано совершенно самостоятельно и стояло внѣ подчиненія министерствамъ; управлявшій этою областью до того времени, генералъ гр. Ланжеронъ, навлекъ на себя неудовольствіе императора и долженъ былъ выдти въ отставку. 30 августа 1821 г. Кочубей получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ теченіе 1820—1823 гг. Кочубей, помимо управленія министерствомъ, не разъ былъ членомъ разныхъ особыхъ комитетовъ. Такъ, въ 1820 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ финансоваго и по азіатскимъ дѣламъ, въ 1821 г., вмѣстѣ съ гр. Гурьевымъ, гр. Аракчеевымъ, кн. А. Н. Голицынымъ, Кампенгаузеномъ и Сперанскимъ, былъ членомъ комитета для рѣшенія по поводу открытыхъ въ Сибири злоупотребленій; въ слѣдующемъ году черезъ министерство прошелъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ проектовъ Сперанскаго по устройству управленія въ Сибири; Кочубей оказалъ имъ всякое содѣйствіе. Но вообще Кочубей былъ не особенно доволенъ своимъ положеніемъ; во-первыхъ, отъ министерства его, какъ мы видѣли, отошелъ департаментъ торговли и мануфак-

туръ, которымъ онъ интересовался, затѣмъ отошло управленіе путями сообщенія; съ другой стороны присоединенію дѣлъ бывшаго министерства полиціи Кочубей былъ вовсе не радъ, такъ какъ этого рода дѣлами онъ вовсе не интересовался,—въ публикѣ же по свидѣтельству нѣсколькихъ современниковъ, подчиненіе ему этой части было принято съ большимъ удовольствіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Кочубей, какъ мы уже видѣли, нѣсколько тяготился общимъ направленіемъ, какое приняли дѣла. Къ тому же сильно захворала его дочь и по совѣту врачей онъ долженъ былъ везти ее въ Крымъ. 25 февраля 1823 г. онъ пересталъ быть управляющимъ министерствомъ и съ наступленіемъ весны прямо изъ Петербурга водою тронулся онъ въ путь каналами, затѣмъ по Волгѣ спустился до Царицына, оттуда доѣхалъ до Дона на лошадяхъ и далѣе снова водою въ Крымъ; зиму провелъ онъ въ Одессѣ, затѣмъ уѣхалъ за границу, гдѣ дочь его и умерла; въ то же время умеръ и императоръ Александръ.

1826—1834.

Весною 1826 года Кочубей вернулся въ Петербургъ; онъ былъ отлично принятъ при дворѣ и всѣ несомнѣвались, что онъ получитъ высокое назначеніе. Дѣйствительно, 29 апрѣля 1827 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; кромѣ того, онъ получилъ цѣлый рядъ менѣе выдающихся порученій: немедленно по пріѣздѣ онъ былъ назначенъ въ комитетъ для разслѣдованія злоупотребленій по соляной части, затѣмъ предсѣдателемъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній касательно улучшеній въ государственномъ устройствѣ, т. е. въ такъ называемомъ «комитетѣ 6 декабря 1826 г.»; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ ходатайствовалъ предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ о смягченіи участи осужденныхъ декабристовъ; 10 марта 1827 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія хозяйства С.-Петербургской городской думы, 6 января 1828 г. членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, затѣмъ предсѣдателемъ комитета для разслѣдованія о злоупотребленіяхъ по флоту, 24 марта того же года получилъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго

украшенные брилліантами, а 5 декабря— портретъ Императора Николая; 24 апрѣля 1828 г., по случаю отъѣзда Государя Императора въ армію учреждена была временная верховная коммиссія, въ составѣ гр. П. А. Толстого, кн. А. Н. Голицына и гр. В. П. Кочубея, въ качествѣ предсѣдателя; порядокъ управленія на время отсутствія Государя былъ установленъ особымъ наказомъ, даннымъ на имя членовъ коммиссіи 29 декабря 1829 г. гр. Кочубей былъ сдѣланъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія; 6 декабря 1831 г. возведенъ въ княжеское достоинство; въ 1833 г. назначенъ былъ членомъ комитета объ усовершенствованіи земледѣлія.

Въ царствованіе государя Николая Павловича, такимъ образомъ, В. П. Кочубей уже не руководилъ непосредственно никакою отраслью управленія; исполняя обязанности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ и участвуя въ нѣсколькихъ особыхъ комитетахъ, Кочубей оказывалъ, конечно, извѣстное вліяніе на ходъ работъ всѣхъ этихъ учрежденій; но результаты ихъ дѣятельности зависѣли отъ него лишь отчасти и болѣе относятся не къ его біографіи, а къ общей исторіи того царствованія; здѣсь мы ограничимся, поэтому, лишь общими замѣчаніями о его взглядахъ и лишь въ общихъ чертахъ укажемъ, каково могло быть его вліяніе.

Въ эту пору своей дѣятельности Кочубей посвящалъ большое вниманіе финансамъ и государственному хозяйству въ широкомъ смыслѣ слова; въ бумагахъ его находится множество документовъ, относящихся къ различнымъ вопросамъ денежнаго обраще-

нія того времени, къ вопросамъ устроенія городовъ и содѣйствія русской промышленности и т. п. Что касается крупнѣйшаго вопроса внутренняго положенія Россіи того времени — крѣпостного состоянія крестьянъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что Кочубей вполнѣ сочувствовалъ идеѣ ихъ освобожденія. Тургеневъ, не соглашаясь съ образомъ дѣйствій Кочубея по одному частному вопросу въ отношеніи крѣпостного права, въ то же время прямо заявляетъ въ своихъ запискахъ, что «Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столь же безсильныя и безплодныя, сколько они были мало серьезны». Въ одномъ изъ писемъ 1801 г. Кочубей говоритъ, что вполнѣ придерживается мнѣнія, которое высказывалъ еще кн. А. А. Безбородко, именно, что должно прекратить продажу людей безъ земли и превращеніе крестьянъ въ дворовые,—причемъ и положеніе этихъ послѣднихъ должно быть улучшено,—и тогда разрѣшить всѣмъ сословіямъ покупку земель, «но само собою разумѣется, безъ крестьянъ», прибавляетъ онъ; онъ находилъ, что это все слѣдовало и можно было сдѣлать немедленно, и жалѣлъ о нерѣшительности Государя. Въ одномъ письмѣ къ Сперанскому, въ 1819 г., Кочубей писалъ: «Безпокойство на счетъ вольности крестьянъ не уменьшается. Приписываютъ Его Величеству намѣреніе произвести оную по одиночкѣ въ губерніяхъ... Я тѣхъ мыслей, что несравненно бы лучше произвести съ

подлежащею осторожностью общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новыя неудовольствія». Въ бумагахъ Кочубея есть черновикъ его мнѣнія, что слѣдовало бы устроить бытъ казенныхъ крестьянъ такъ, чтобы онъ могъ послужить образцомъ при освобожденіи всѣхъ другихъ; освобожденіе это представляется Кочубею совершенно неизбѣжнымъ; въ убѣжденіи этомъ его утверждаютъ даже не какія нибудь общія отвлеченныя соображенія, а наблюдаемые факты: онъ указываетъ, что ожиданіе воли распространяется постоянно, что крестьяне переносятъ свое положеніе съ все возрастающимъ недовольствомъ и что такое настроеніе постоянно поддерживается и усиливается благодаря тому, что въ среду крестьянъ хотя и понемногу, но постоянно и неудержимо проникаютъ новыя знанія, своего рода развитіе. Сочувствіе Кочубея идеѣ освобожденія въ послѣдніе годы его жизни для насъ совершенно несомнѣнно и пожалуй даже яснѣе, чѣмъ въ началѣ его дѣятельности. Но сколько нибудь крупныхъ, рѣшительныхъ мѣръ онъ, вѣроятно, не предполагалъ; онъ никогда къ нимъ не былъ склоненъ, а къ этому времени и долгій опытъ государственной дѣятельности и самые годы—ему было уже за 60 лѣтъ—конечно, не содѣйствовали тому, чтобы онъ являлся дѣятелемъ рѣшительнымъ, энергичнымъ. Это ослабленіе энергіи, эта свойственная извѣстному возрасту медлительность дѣйствій и рѣшеній проявились, быть можетъ, съ особою очевидностью въ дѣйствіяхъ комитета 6 декабря 1826 г., въ которомъ Кочубей былъ предсѣдателемъ. Этому коми-

тету предписано было разсмотрѣть многіе важные вопросы, касавшіеся государственныхъ преобразованій; Сперанскій, участвовавшій въ этомъ комитетѣ—другими членами его были кн. А. Н. Голицынъ, гр. П. А. Толстой, гр. И. И. Дибичъ и И. В. Васильчиковъ,—составилъ немедленно обширную программу работъ этого комитета, по которой предположено было осуществленіе важнѣйшихъ преобразованій, начатыхъ Сперанскимъ до 1812 г.; но работы комитета шли чрезвычайно медленно и доведено было до конца только совершенно второстепенное положеніе о дворянскихъ выборахъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи дѣлъ внутреннихъ мы не видимъ со стороны Кочубея рѣшительности въ дѣйствіяхъ; но не можетъ быть сомнѣнія, что въ общемъ его вліяніе было направлено въ хорошемъ и желательномъ смыслѣ.

Рѣшительнѣе и опредѣленнѣе высказывался Кочубей по вопросу о внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи. Въ одной запискѣ онъ развивалъ мысль, что политика всякаго государства непремѣнно должна быть національная, должна преслѣдовать непремѣнно только интересы своего народа; всякія другія соображенія въ политикѣ внѣшней, по его мнѣнію, непремѣнно вредны, должны вызвать въ гражданахъ чувство недовѣрія и оппозиціи, «что, по его словамъ, всегда опасно». Главнѣйшею цѣлью правительства должно быть сохраненіе цѣлости государства извнѣ, а внутри сохраненіе порядка и развитіе благосостоянія. По его словамъ всѣ великія европейскія державы всегда преслѣдуютъ только свои интересы; онъ указываетъ, что и въ настоящее время (записка составлена, повидимому, между 1825 и

1830 гг.) онѣ изъ отношеній съ Россіею по Священному Союзу извлекаютъ пользу лишь для себя: будучи совершенно спокойны со стороны Россіи и даже пользуясь ея силами въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онѣ значительно сократили свои расходы на военныя надобности и направили огромныя средства на развитіе у себя торговли и промышленности; и въ то же время, по словамъ Кочубея, державы эти всегда находятъ поводъ уклоняться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій, связанныхъ съ расходами и трудами, дѣйствій, которыхъ, по смыслу Священнаго Союза Россія могла бы отъ нихъ ожидать и требовать; потому Кочубей настаиваетъ, что и Россія должна и имѣетъ полное право точно такъ же держаться по отношенію къ своимъ союзникамъ и такъ же обратиться преимущественно къ улучшенію внутренняго состоянія государства, отказавшись отъ заботъ о сохраненіи спокойствія и порядка въ государствахъ западно-европейскихъ. Провозглашая все это, Кочубей являлся прямымъ послѣдователемъ великихъ дипломатовъ Екатерины II, — Н. И. Панина и А. А. Безбородко—и къ сожалѣнію, на долгое время едва ли не послѣднимъ среди высокопоставленныхъ русскихъ дѣятелей, которые понимали и говорили прямо, что первая и главная обязанность русскаго правительства—заботиться о благѣ русскаго народа, облегчать его тягости и поддерживать въ немъ все хорошее, а не бороться за или противъ какихъ либо отвлеченныхъ ученій и теорій.

22 апрѣля 1834 г., въ день принесенія присяги наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, кн. В. П. Кочубей пожалованъ былъ званіемъ канцлера внутреннихъ дѣлъ.

Помимо того, что кн. Кочубей достигъ высшихъ наградъ по государственной службѣ, онъ былъ почетнымъ членомъ Россійской Академіи (съ 31 октября 1819 г.), Московскаго и Петербургскаго университетовъ (съ 8 іюля 1832 г. въ первомъ и 31 декабря 1828 г. во второмъ), С.-Петербургской духовной академіи (съ 13 января 1814 г.), обществъ—Вольнаго экономическаго (съ 8 января 1821 г.), Московскаго сельскихъ хозяевъ (съ 5 марта 1818 г.) и носилъ званіе: l'associé étranger du Société pour l'enseignement élémentaire (съ 1 февраля новаго стиля 1818 г.).—Отправившись послѣ торжествъ, сопровождавшихъ принесеніе присяги наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, въ свои имѣнія, онъ скоропостижно скончался въ Москвѣ, отъ припадка грудной жабы, въ ночь со 2 на 3 іюня; погребенъ въ Александроневской Лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

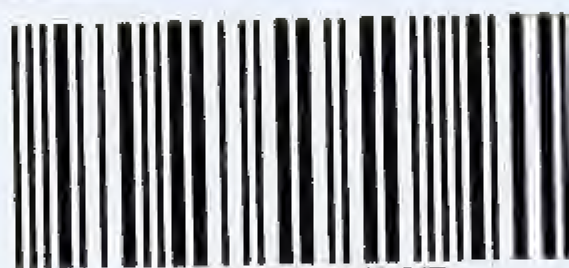
Познакомившись съ дѣятельностью кн. В. П. Кочубея среди тогдашняго русскаго правительства, мы можемъ сказать, что преувеличеніемъ было бы приписывать ему главное вліяніе на общій ходъ дѣлъ, но, несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ свое время большое значеніе, благодаря своей продолжительной службѣ, большому опыту, наконецъ—отличному умѣнью обращаться съ людьми и большому довѣрію Государя. Переписка его почти со всѣми сколько нибудь вліятельными и значительными представителями тогдашней администраціи была громадна; обращались къ нему чуть не со всякимъ сколько нибудь важнымъ или труднымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность В. П. Кочубея была всегда направлена къ пользѣ Россіи, пользѣ, обыкно-

венно правильно понимаемой. Кн. И. М. Долгоруковъ, служившій какъ губернаторъ подъ начальствомъ Кочубея, даетъ самый лучшій отзывъ о немъ, какъ о министрѣ: «Онъ исправлялъ, — говоритъ Долгоруковъ—должность со всею возможною дѣятельностью, не кичился своимъ титуломъ, но всю его тягость несъ и раздѣлялъ нашу неослабно; былъ строгъ съ разборчивостью, никогда злобенъ или спесивъ... Онъ любилъ говорить (съ губернаторами) о дѣлахъ губерній и распрашивалъ обо всемъ, что до нея касалось, не сбивался въ постороннія матеріи, но, очертя кругъ своего разговора, всегда находился въ той губерніи, о которой давался отчетъ... Во всю службу мою, я не могу вспомнить времени, въ которомъ бы она столь пріятна была для меня какъ подъ начальствомъ Кочубея... по мнѣнію моему не было въ Россіи министра просвѣщеннѣе его и способнѣе къ его званію». Но лучшую похвалу В. П. Кочубею можно найдти въ отношеніяхъ къ нему Сперанскаго и особенно въ нѣкоторыхъ его письмахъ; такъ однажды Сперанскій пишетъ ему, что въ провинціи всѣ вообще чрезвычайно хорошо о немъ думаютъ; а съ другой разъ, по поводу сообщенія Кочубея, что онъ совершитъ длинное и медленное путешествіе въ Крымъ, Сперанскій написалъ ему, что онъ, безъ сомнѣнія, увидитъ много любопытнаго въ Россіи, «да нехудо и Россіи узнать и увидать васъ», прибавилъ онъ.

Іюль—ноябрь
1898 г.

Документы архива кн. В. С. Кочубея въ Диканькѣ.—«Архивъ кн. Воронцова», особ. тт. XI, XIV, XV, XVIII. и нѣкоторые др.; «Сборникъ Императорскаго Русскаго истор. общ.», т. т. 26 и 29. (Н. И. Григоровича, «Канцлеръ кн. Безбородко»), «Журналы Комитета Министровъ» I, II; «Архивъ Государственнаго Совѣта»; Шильдеръ, «Императоръ Александръ I»; Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I»; Корфъ, «Жизнь гр. Сперанскаго»; сборникъ «Въ память гр. М. М. Сперанскаго»; Варадиновъ, «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ» I, II; Иконниковъ «Графъ Мордвиновъ и его время»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Терещенко, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи» II; Записки Вигеля, Державина и др.; «Капище моего сердца» кн. Долгорукаго, подъ 8 дек.; Бантышъ-Каменскій, «Словарь» III, 104—109; «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1835 г., № 3, 485—541.—День смерти,—3 іюня — въ нѣкоторыхъ некрологахъ указанный мѣсяцемъ позже, устанавливается надписью на памятникѣ и счетомъ мѣсяцевъ и дней жизни Кочубея, тамъ даннымъ.

2007096547